

ИЛЪЯ БУТМАН

КОРОТКАЯ ПОВЕСТЬ

ЛЕНИНГРАД

1990

I

Вот уже который год отправлялась в этот день Егоровна по горькому своему маршруту.

Пять лет назад умер в городе сын ее Павел. И каждый год теперь, с невесткой своей Наталкой, льет Егоровна слезы над родной могилой.

И Наталку Егоровне жалко. Совсем молодая девка, а по Павлу все убивается, заживо себя во вдовах хоронит. Сама Егоровна мужа с войны не дождалась, перемоглась за долгие годы, притерпелась, и с лица спала и в душе ссохлась. Работа, да дом пустой - вот и все все в ее жизни радости. А у Наталки жизнь впереди, да и не те времена нынче, чтоб одной бабью долю свою волочить.

Не раз уже говорила Наталке Егоровна:

- Выходи замуж пока молода еще, детишек вам все одно бог не дал, выходи, говорю, пока мужики на тебя глаза пялят.

А Наталка одно заладила:

- Не могу, мама, все Павел перед глазами стоит. Не невольте меня, по гроб жизни верна ему буду.

Хоть и жаль девку, а бальзамом на сердце материнское льются слова Наталкины. И уже по привычке скорее говорит об этом последнее время Егоровна. Да и много ли

им приходится говорить. Раз в год. В черных одеждах. Чаще нельзя. Тысяча верст друг от дружки их отделяет.

2

Июнь в этом году выдался дождливый, земля насквозь промочилась. А потом ударила, вдруг, жара, враз землю прожгла и высушила. Комками, как поле заброшенное, покрыло деревенские улицы.

А здесь, в городе, гладко, да мертво. Земля живая асфальтом залита, каменными громадами придавлена, рельсами трамвайными, как шрамами, исполосована. А то и, сама Егоровна видела, асфальт этот, будь он неладен, машинами поливают, словно пол, чтобы пыли не было.

Не любила Егоровна города со всеми его ваннами и телефонами. В деревне и телефона не надо, там кто что скажет, без всяких аппаратов известно. И ванны с душем не надо. Поробовала ее раз Егоровна, хватит. То ее кипятком, то ледяной водой прихватывало, упаси бог. Лучше простой русской баньки ничего еще не придумали.

Свернула Егоровна в нужный переулок, в дом вошла, отдохнула немного перед тем, как взбираться на шестой этаж и потопала вверх, поправляя на спине мешок с немудрёными деревенскими гостинцами.

Был, правда, в подъезде лифт, да с тех пор, как, при жизни Павла еще, застряла однажды Егоровна промеж этажей, не загнать ее теперь в этот чертов ящик.

И еще одна причина была, по которой взбиралась наверх Егоровна пешком. Подымаясь по лестнице, она всем своим нут-

ром ощущала, что именно в этом доме проживал три года ее Павлушенька. Какое-то особое волнение испытывала Егоровна на этой лестнице. Связано оно было и с обитыми дерматином дверями и с широкими площадками и с выщербленными перилами, а, главное, с гулкостью парадной, особенно когда глубоко внизу хлопнет входная дверь.

А вот наверху, в квартире, чувство это исчезало, хотя и вещи сына там стояли, и кровать, где спал он и стол письменный, за которым Павлуша работал.

Не изменилось ничего и на этот раз. Звуки парадной возбуждали воспоминания.

Остановилась Егоровна, провела носовым платком по сухим еще глазам своим и вдавила кнопку звонка. Вот сейчас распахнется дверь, выбежит из квартиры Наталка и, как всегда, прямо здесь, на пороге, обнимутся они и зайдутся в извечном тоскливом бабьем плаче. Егоровна заранее уже скукожила лицо свое, упаковала подбородок в ладонь и вся подобралась.

Дверь открыл незнакомый мужчина:

- Ты, бабуля, квартирой, наверное, обозналась. Кто тебе нужен-то?

Из комнаты доносился шум голосов и звон посуды.

- Наталку Ершову мне, - чуя недоброе, сказала Егоровна.

- Так ты в гости пожаловала? Проходи, мать. Только нет больше Ершовой, была, да вся сплыла. Терентьева она теперь.

Не осознав еще до конца сказанного, Егоровна сделала вслед за мужчиной несколько шагов и застыла. В проем двери увидела она богатый праздничный стол и Наталку в белом подвенечном платье.

- Ну чего, мать, застыла, - поздравляй молодых, - подсказал мужчина.

- Горько! - закричали гости. И за тем самым столом, за которым сидел раньше Павел, потянулась губами и всем телом своим Наталка к чужому человеку. Потянулась и заметила Егоровну.

- Мама приехала, - сказала Наталка, - мама. - И отстранившись от чужого, протянула она руки навстречу Егоровне.

Но, опаленная жаром обиды, метнулась Егоровна вон и, задыхаясь, изо всех своих старушечьих сил, топтала она лестничные ступеньки, клянясь себе в том, что никогда уже больше не коснется их своими ногами.

3

Старенький трамвай скрипел, тарахтел на стыках, но упорно вез и саму Егоровну и горе ее через весь город.

На кладбище разыскала Егоровна куций, расползающийся веник и, по деревенской своей привычке, сразу включилась в работу. Она расчистила дорожки вокруг немудреного памятника и положила поверх могилы свежие еловые лапы.

Присела Егоровна отдохнуть на давно некрашеную скамью и, уставившись на дорогое лицо, улыбающееся с овальной фотографии, пригорюнилась.

Уже совсем темно стало, а Егоровна все сидела и ворошила в памяти годы жизни своего сына.

Тогда, в сорок втором, когда ничего уже, казалось, не могло ребенка спасти, выходила она его, выкормила, сама с голоду чуть не отдала богу душу, а его на ноги поставила. И надо же, чтобы в мирные дни, простудившись на рыбалке,

УМЕР человек от какого-то пустякового гриппа.

Шумит сегодня в городе еще одна веселая свадьба. Еще одна невеста на счастье себе ли, на горе, выходит замуж. И невеста эта - его, Павлушкина жена.

Звуки чьих-то шагов вклинились в невеселые думы Егоровны. Сердцем поняла она кто приближается к ней, чьи ласковые руки легли на ее плечи.

Долго сидели молча.

- Ты что ж это, со свадьбы прямо? - нарушила молчание Егоровна.

- Понимаете, мама, моряк он, завтра в рейс уходит. Нельзя нам было уже ждать. А годовщина... так не один ведь этот день Павел в сердце моем, всю жизнь.

Опять помолчали.

- Ты бы шла, - потревежила Наталку Егоровна, - муж-то, поди, заждался.

- Ничего, мама, ничего, он не обидится, понимает.

- А как детишки пойдут, чтоб на лето ко мне в деревню? - сказала Егоровна.

- Конечно, мама, конечно. Куда же еще, как не к бабушке?

Долго сидели еще они, обнявшись, у могильного камня, и даже подвенечное Наталкино платье не делало ее здесь чужой.

4

Утром снова поскандалили. Олег ушел, хлопнув дверью. В комнате было сейчас неуютно. Неубранный стол, неприбранная кровать. Наталка опять, наверное, плакала и убежала на работу в последнюю минуту.

А поделать с собой Олег ничего не мог. В море он ус-

покаивался. В море ему все это казалось ерундой, а возвращается, и между ними снова становится Павел.

А Павла не сокрушишь. Павла больше нет. Умер Павел, давно умер, землей засыпан, тяжелым памятником придавлен. А все равно нет у Олега сил с ним справиться..

Первое время многие вещи в комнате нельзя было ни трогать, ни передвигать. - "Это Павлушкино кресло, пусть оно всегда здесь стоит... Не надо убирать с полки Павлушкины учебники, он по ним к последнему экзамену готовился..."

Добился кое-чего Олег. Что-то передвинул, что-то отнес на вечное хранение в кладовку. Лишь большой портрет Павла в черной траурной раме своей беззаботной улыбкой выводил Олега из себя.

А перед свадьбой думал Олег иначе. Думал, что все будет наоборот, что забудется, порой, Наталка в круговороте ее с ним, Олегом, безоблачного счастья, а он ей напомнит как-нибудь о прошлом. Мягко напомнит, с теплом и сочувствием. И обнимет она его, Олега, затихнет ненадолго. А потом опять радостно забьется Наталкино сердце.

Хлопнула входная дверь. Торопливо вошла Наталка. Кивнула. Ничего не сказала. Вышла из комнаты. Захлопотала на кухне.

Спускаясь по лестнице и застегивая на ходу плащ, Олег с облегчением подумал, что завтра опять в море. И в то же время... в то же время хотелось вернуться, обнять Наталку, прижать ее к себе, зарыться в ее душистые светлые волосы и услышать что-нибудь хорошее, теплое. Олег даже приостановился. Но все же домой сразу не пошел. Побродил часа два по наполненным ветром мурманским улицам. Вернулся домой.

Молча поужинал и лег спать.

5

После возвращения Олега из рейса его отношения с Наталкой заметно улучшились. А ту еще, месяца через полтора, Наталка призналась, что беременна. О Павле больше не говорили. Олегу даже стало казаться, что память о нем постепенно выветривается из Наталкиного сердца. И Олег решился. Снял однажды со стены портрет Павла. Снял и убрал в кладовку. И даже гвоздь, на котором висел портрет, вырвал Олег из стены.

Пришла Наталка, взглянула на осиротевшую стену, исчезла в кладовке и вышла оттуда с портретом. Принесла тяжелую лестницу, прислонила ее к стене. Долго возилась с гвоздем. Кое-как приладила, спустилась на пол, зажала подмышкой портрет и потопала вверх по лестнице. Портрет выскользнул из ее рук, грохнулся на пол. Стекло покрылось паутинками трещин. И снова, как муравей с грузом, решительно и упрямо полезла Наталка вверх по лестнице, с трудом прижимая портрет к своему вздувшемуся животу.

А Олег стоял и, как будто бы со стороны, откуда-то издаleка, за этим наблюдал. Видел как беременная женщина отчаянно, из последних сил, пытается справиться с непосильной для себя задачей, как пот заливает ей глаза, как вздулись от напряжения жилы у нее на лбу. И видел Олег рядом с ней здорового широкоплечего мужчину, мужа ее, который молча на все это смотрел.

Портрет Наталка повесила. Плохо, правда, повесила, криво.

С трудом спустилась Наталка с лестницы и, обхватив руками живот, скрылась в другой комнате.

А Олег взял шлямбур, продолбил в стене отверстие, вставил в него аккуратный деревянный клинышек, забил в него гвоздь и перевесил портрет. Работал ожесточенно, как будто добывал себе индульгенцию за только что происшедшее.

Портрет висел теперь ровно, аккуратно прикрывая лишнее отверстие в стене. А трещины на стекле казались Олегу отражением трещин в его собственной семейной жизни.

Случай этот не прошел для Наталки даром. На следующий день у нее произошел выкидыш.

6

Вернулась из больницы Наталка.

Не было ни слез, ни упреков. Удивленно посмотрела на Олега, как будто изумляясь тому, что он все еще здесь.

Олег и сам уже подумывал перебраться в общежитие, понимал, что семейная жизнь вряд ли уже наладится. И все-таки не хотелось лишать себя последней надежды.

Однажды ночью Олега словно выдернула из сна чья-то железная рука. Он проснулся, огляделся по сторонам. Наталка спала. Олег прижался вдруг к теплому Наталкиному телу, обнял ее и зашептал ласковые слова. Наталка проснулась, попробовала отмахнуться. Но Олег крепко держал ее в своих объятиях.

- Милая моя, - шептал он, - родная, любимая, прости меня. Прости. Слышишь?

- Оставь меня, - сказала Наталка.

И сказала это так устало и равнодушно, что Олег отшатнулся.

И все-таки эта ночь не прошла, повидимому, бесследно. Ничего, в общем, не произошло, просто смотрела теперь Наталка на Олега чуть мягче.

А Олег старался. Очень старался. К Наталкиному приходу он убирал квартиру, мыл посуду и закупал продукты. Однажды даже сам приготовил борщ. Приготовил впервые в жизни. Борщ получился не очень удачным, но Наталка, поев, как-то по хорошему сказала Олегу "спасибо". В эту ночь они, впервые за последнее время, принадлежали друг другу. Олег надеялся, что это окончательно их сблизит, но понял наутро, что возникшее между ними напряжение пока не рассеялось. Но Олег все равно решил не отступать. Он понимал, что если сорвется, то начинать все сначала у него просто не хватит сил.

А Наталка все видела и все понимала. Но, как Олег когда-то молча наблюдал за тем, как карабкается ^{она} по лестнице с тяжелым портретом в руках, так и она не могла сейчас сделать шаг навстречу мужу.

И все-таки Наталка чувствовала, что сердце ее постепенно оттаивает. И была очень благодарна Олегу за то, что он в одиночестве ведет борьбу за их общее семейное счастье.

А вскоре Наталка поняла, что она снова беременна.

Сегодня первая годовщина их свадьбы.

Олег думал так: "Вечером сядут они за стол /а уж для этого он и фрукты и шампанское приготовил/ и предложит сначала Олег помянуть Павла. Помянут. Помолчат для приличия. А потом скажет Олег, что жизнь все-таки продолжается, а раз так, то и продолжать ее надо правильно, по-хорошему. И потеплеет у них у обоих на душе и возьмутся они за руки..."

Знал, правда, Олег, что приедет Егоровна, да как-то не учел этого. И когда появилась она и заревели враз обе женщины, почувствовал он в Наталкином плаче не только горе по умершему человеку, но и сожаление о том, что ее, в те времена, счастливая жизнь, сменилась на сегодняшнюю, тяжелую и беспросветную.

И стол оказался накрыт теперь не так легко и воздушно, вино, да фрукты, как думал Олег, а легли на него тяжелые деревенские гостинцы: сало, пироги, грибы соленые, да штоф с самогоном. Даже хлеб нарезала Егоровна по-деревенски, распластав его на большие увесистые краюхи.

Помянули Павла. Помолчали. Женщины горестно покивали головами. А потом не он, Олег, а Егоровна произнесла те самые слова, что жизнь продолжается. И еще сказала Егоровна, что опять у нее есть сын и хорошо на Олега при этом посмотрела. А Наталка вложила свою руку в руку мужа и крепко ее сжала.

А потом как-то забыли о нем, Олеге, женщины и опять заговорили о своем. А что у них своего, как ни мысли о Павле. Даже пальцы Наталкины, все еще лежащие в широкой ладони Елега, как будто забыли о том, где находятся. Как будто и теплоту и ласку свою вдруг утратили.

Пришло время и женщины всполошились, заторопились на кладбище. Наталка только взглядом спросила, пойдет ли с ними Олег. Но он отвернулся и сделал вид, будто бы взгляда ее не понял.

Ушли женщины. Хлопнула входная дверь, как будто по лицу, с размаху смазали ею Олега. Нехорошо стало на душе. Выпил Олег стакан самогона, но не полегчало ему ничуть. Еще выпил. И поднялось в его душе что-то нехорошее, затаенное. Но некому было выплеснуть то, что накопилось. И поехал Олег туда, на

кладбище, где находились все три виновника его несчастья.

Могилу искал долго, но ярость не утихала. Нашел, наконец. Наталка с Егоровной сидели у памятника обнявшись. Олега заметили не сразу.

- Садись, сынок, - пригласила Егоровна.

- Сынок? Какой я тебе сынок? Вон он твой сынок лежит, не уберегла.

Руки, как будто защищаясь, протянула навстречу Олегу Егоровна.

- Уйди, Олег, ты пьян, - сказала Наталка.

Повернулся Олег к тяжелому могильному камню:

- Да оставь ты меня, оставь, - сказал, - мертвый, так лежи себе, а меня оставь. Оставь, тебе говорят.

И вдруг не выдержал Олег, с кулаками набросился на памятник, ногами его пинал, кулаками бил.

Но опять Павел оказался сильнее его, намного сильнее. Не шелохнулся гранитный памятник и все так же улыбался с овальной фотографии Павел.

Оглянулся Олег на женщин, заметил испуг в их глазах:

- Жалко его, жалко? А меня вам не жалко? - Схватил камень и метнул его в ненавистную фотографию.

И погасла улыбка Павла.

Сжал зубы Олег и побрел куда-то спотыкаясь и не разбирая дороги. Столкнулся с кем-то. Кого-то ударил. Снова с кем-то столкнулся и жестоко избил прохожего. Ночью был доставлен в милицию.

Вскоре предстал перед судом.

Через месяц Олег прислал Наталке из колонии больше письмо. Он сообщал о том, что много за это время передумал, писал о том, что горько сожалеет о случившемся, что все произошедшее может послужить ему, Олегу, горьким уроком на всю жизнь, а может обернуться для него и трагедией, и что зависит это все теперь только от нее, от Наталки.

Наталка Олегу не ответила.

Лишь на третье письмо получил Олег ответ.

Наталка сообщала, что ребенок у нее будет уже совсем скоро. Письмо было сухим и немногословным. И то, что у НЕЕ, а не у НИХ будет ребенок, понял Олег как сигнал о том, что им с Наталкой уже никогда не быть вместе.

И снова решил Олег бороться за свое счастье. Да только как тут поборешься, когда между ними высокие стены, колючая проволока, охрана, овчарки и расстояние в тысячи километров.

Теперь писал Олег почти каждый день.

О рождении мальчишки Наталка сообщала с большим опозданием. Олег и сам уж давно высчитал все сроки и очень беспокоился.

Письмо это Олег перечитал несколько раз. Порадовался хорошему весу и росту сына. Удивился, что не пишет Наталка как ребенка назвала. И вдруг аж в пот Олега бросило. Не иначе, как Павлом.

"Дорогая моя Наталка!" - начиналось следующее письмо, - "Смотрю, имени ты нашему пацану еще не подобрала. Так я бы хотел какое-нибудь из этих: " - и шел дальше длинный, в несколько десятков имен список. Все, что в голову приходило, включал в этот список Олег, даже заморских Людвигов, да Валь-

теров. Лишь только слово ПАВЕЛ в нем аккуратно обходилось.

Должна была Наталка понять для чего этот список составлялся, ведь не молить же ему ее не давать ребенку того самого имени.

И все же не пощадила Наталка мужа, написала, что сына назвала Павлом.

Теперь уже Олег не отвечал на редкие Наталкины письма. Прекратила писать и Наталка.

10

Первое время Олегу в заключении приходилось совсем плохо. Люди с ним сидели разные. Некоторые попали под суд, как и сам он, почти случайно, натворив что-то "по пьянке". Других же милиция долго перед этим разыскивала, некоторые сидели уже не впервые.

Сначала Олегу никак не удавалось найти с соседями верный тон. То вел он себя гордо и неприступно, не желая ни с кем сходиться, то, бывало и такое, заискивал перед кем-то.

Через год стало немного полегче. Не то чтобы Олег привык, привыкнуть к этому он, пожалуй, не смог бы никогда, а просто научился ориентироваться в обстановке. Еще через полгода Олег стал редактором местной стенной газеты.

В мастерских колонии сколачивали ящики. Восемь часов в день забивал Олег в доски гвозди. Сначала думал, что с нормой никогда не справится. Но пришло время и Олег уже перевыполнял ее.

В свободное время много думал о своей жизни. Понимал, что возвращаться к семье не должен. Опять встанет перед ним

Павел. Сейчас тюрьма, а до чего еще может все это довести?

Было очень жаль самого себя. Олег прекрасно понимал каким ударом была сцена на кладбище для Наталки. Но понимала ли она, каково было ему? Видела ли как давило Олега ее, Наталкино, прошлое? Если бы поняла, смогла бы и посочувствовать и смягчить что-то.

Однажды Олегу сообщили, что поставлен вопрос о его досрочном освобождении. Но прошел еще месяц, прежде чем в колонию прибыл прокурор.

Вопрос разрешился удивительно просто. Выступил представитель колонии, сказал, что Олег занимается общественной работой, норму перевыполняет, замечаний не имеет. Прокурор, молодая усталая женщина, просмотрела документы, задала Олегу несколько вопросов и заявила, что не видит оснований отклонять ходатайство администрации.

II

Все могла простить Наталка Олегу, но это надругательство над памятью дорогого человека - никогда.

Наталка не присутствовала даже на суде. Олег начисто перестал ее интересоваться. Бывали, правда, иногда, приступы непонятной тоски, но и это, понимала Наталка, скоро пройдет.

Узнала, что имеет право развестись теперь даже без согласия мужа. Решила, что так и сделает.

Получила письмо от Олега. Прекрасно поняла зачем он перечислил все эти имена, но помнила и про осколки овальной фотографии. И назвала, все-таки, сына Павлом. "Вот и все, - подумала она, - теперь уже все!"

В неурочное время, чтобы помочь на первых порах Наталке,

приехала Егоровна.

- Как назвала-то его? - спросила.
- Павлушкой назвала.
- Зачем же ты по отцу его же сыном бьешь?
- Да как же, мама, в Павлушину память ведь.
- Нехорошая это получается память, злая.
- Да как же, мама., - но не договорила Наталка, задумалась.

А писем от Олега с тех пор больше не было. Обеспокоилась Наталка. Всякого она про тюрьму понаслышалась. А вдруг случилось что-нибудь? Написала письмо начальнику тюрьмы. Получила ответ. Начальник сообщал, что все в порядке, жив и здоров ее муж, никаких претензий к нему не имеется, он принимает участие в общественной жизни колонии и перевыполняет производственную норму.

Письмо зачитывала при Егоровне.

- Ну вот и хорошо, - сказала та, - может и пораньше отпустят. У нас в деревне тоже одного пораньше отпустили, он, бывало...

Наталка дальше не слушала: "Может пораньше отпустят," - почувствовала как обрадовалась. Чему обрадовалась-то? Ведь, кажется, все. Решила твердо-натвердо. И вдруг обрадовалась.

А дни шли своим чередом. Павлушке исполнилось уже три года. На лето отвезла его Наталка в деревню к Егоровне, провела там отпуск и одна вернулась в июле в город. И вдруг телеграмма от Олега.

Посидела Наталка с телеграммой в руках, привыкая к мысли о возвращении мужа. Всплакнула. Взгляд ее застыл на портрете Павла. Морщинки трещин, как укор Олегу, разбежались по всей

стеклянной поверхности. Но Олег за это уже пострадал. Морщинки нужно сгладить. Наталка сняла портрет со стены и отнесла его в мастерскую.

На следующий день, в субботу, встала ни свет - ни заря. Приготовила обед, убрала квартиру. Подумала, вдруг, что не с курорта муж едет и что понадобится ему с дороги принять ванну. Повесила чистое полотенце и приготовила Олегу свежее белье. Решила и сама принять душ. Разделась, всмотрелась в большое настенное зеркало. Увидела себя всю, молодую, крепкую, с чуть обвисшими от родов и кормления грудью. И вдруг почувствовала тоску по жарким мужским объятиям, по нежному шепоту и по ласковому прикосновению его рук к своему телу.

Постояла под душем. Растерлась мягким махровым полотенцем. Побежала в парикмахерскую делать прическу. На обратном пути купила на последние деньги бутылку дорогого заморского коньяка.

На вокзал решила не ехать. Решила, что здесь, дома, вдали от любопытных глаз, встреча их пройдет гораздо теплее.

Все, кажется, было уже сделано. Но времени оставалось еще много. Вычистила и без того блестящую на кухне плиту, надраила пастой краны и раковины. Взглянула на часы. Поезд приближался к перрону. Аккуратно смыла ацетоном старый лак с ногтей, покрыла их заново.

Прошел еще час. Раздался звонок. Наталка метнулась к двери. Приостановилась ненадолго, взяла себя в руки, открыла дверь. Это была соседка: попросила одолжить четвертинку хлеба, пожаловалась на мужа, на лужи перед домом, на протекающую в туалете трубу.

Делать больше Наталка ничего не могла, все валилось из

рук. Позвонила на вокзал: "Нет-нет, поезд давно уже прибыл, он не опоздал ни на одну минуту."

И поняла Наталка, что и телу ее и душе еще долго ждать своего часа. Ей все, вдруг, стало безразлично. Она уселась в кресле и, ни о чём не думая, как на огромный белый экран, уставилась в потолок. Звонок в дверь заставил ее подняться. Лениво нащупала замок и повернула его. На пороге стояли трое мужчин.

12

Олег понимал, что встречать его Наталка не будет. И все-таки был разочарован, не обнаружив ее на перроне. Да и захочет ли Наталка его принять?

Побрел к автобусной остановке и вдруг оказался в объятиях двух своих старых приятелей-моряков.

Приятели обнимали Олега, жали ему руки и поздравляли с освобождением. Потянули Олега к кафе. И раньше-то его к спиртному особенно не тянуло, а сейчас, когда вот-вот предстояла встреча с семьей, тем более. Но он столько уже не пил, что алкоголь казался ему сейчас одним из необходимых элементов свободы. А жужать ее, свободу, хотелось большими жадными глотками.

Зашли в кафе. Выпили две бутылки вина. Взяли еще две.

- Это последние, - сказал Олег.

Чувствовал как быстро, с непривычки, хмелеет. Официант принес еще одну бутылку. Выпили. При выходе из кафе Олег споткнулся. Встать уже не мог. Свежий воздух не помог. Олегу становилось все хуже.

На пороге стояли трое мужчин. Один из них, неопрятный, в грязных сапогах и в ватнике, небритый и совершенно пьяный, был ее мужем. Те двое довели Олега до постели. Извинились и ушли.

Наталка стащила с него сапоги. Олег лежал, уткнувшись лицом в покрывало. Его вдруг начало тошнить. Наталка стояла рядом, с отвращением смотрела на мужа и недоумевала, неужели вот этого человека она так ждала все это время?

Проснувшись, Олег не сразу сообразил, где находится. Проникший сквозь занавески рассвет оживил комнату. Олег понял - он дома. Сам он, одетый, лежал на широкой кровати. Наталка спала на раскладушке. В комнате стоял неприятный запах. Пятна на одежде и на покрывале не оставляли сомнения в его происхождении.

Чувствовал себя плохо. Но настроение все равно было приподнятым. Хотелось поскорее увидеть сына. В комнате его не было. Обошел всю квартиру. Сына не нашел.

Было стыдно перед Наталкой. Решил, пока она спит, привести себя в порядок. Прошел в ванну. При виде аккуратной стопки своего чистого белья, расстрогался. Вымылся, побрился, почистил зубы, выстирал белье и покрытое пятнами покрывало, ^{надел} одел выходной костюм. Посмотрелся в зеркало. Понравился сам себе. Впечатление портила только слишком короткая прическа. Заглянул в холодильник. Приготовил яичницу, сварил кофе. Накрыл стол. Наталка все еще спала.

Вдруг Олегу показалось, что в комнате чего-то не хватает. Понял. Не маячил на стоше портрет Павла. И не ожидал, что это его так расстрогает. Взглянул на часы. Девять. Побежал

на рынок. Накупил овощей и фруктов, огромный букет цветов. Пока возился на кухне, а потом украшал стол, Наталка зашевелилась.

Проснулась, а открывать глаза не хотела. Слышала шаги Олега по комнате, а взглянуть на него боялась. Боялась увидеть его виноватое обрзгшее лицо. Боялась за себя. Понимала как много зависит от того, что произойдет между ними сейчас.

Открыла глаза и увидела его широко улыбающееся лицо, чистый костюм, накрытый стол и огромный букет цветов.

И когда вскочила Наталка и упала в широко раскинутые объятия Олега, то почувствовала, что даже горечи за минувшее она сейчас не испытывает.

15

Лишь в понедельник, после работы, Наталка вспомнила о портрете. По дороге домой зашла в мастерскую, забрала его.

Олег был дома. Они обнялись. Постояли так недолго. Наталка ласково провела ладонью по лицу мужа. Отстранилась. Попросила принести лестницу. Положила на стол портрет.

Попросила:

- Повесь, пожалуйста, Олешка.

А он перевел взгляд с ее лица на портрет и испуганно произнес:

- Зачем?

Так и застыли они, Наталка с портретом в вытянутых руках, и совершенно растерявшийся ее муж.

И за то короткое время, что могла еще Наталка держать портрет в вытянутых руках, прошла у них перед глазами вся та сцена. Сцена с тем же портретом, с той же лестницей и с

теми же самыми участниками. Прокрутилось все это перед ними и, когда усталые Наталкины руки опустили портрет на пол, мысли их цеплялись уже за сцену на кладбище.

И захотелось Наталке все это остановить. Освободила она одну руку и снова ласково провела по лицу мужа:

- Пойми, Олег...

- Я понимаю, - сказал Олег. Взял портрет, поднялся по лестнице и аккуратно повесил его на гвоздь.

16

Наступил август. До встречи с сыном оставался еще целый месяц. И Олег сказал:

-Хватит!

Наталка возразила:

- Зачем же раньше времени лишать ребенка свежего деревенского воздуха?

- Во-первых, я еще ни разу не видел собственного сына. Отцы, когда их жены в роддоме, ночами не спят, мечтают скорее увидеть свое потомство. А что там видеть, еще совсем крохи. А мой сын - уже личность. А, во-вторых, чего это он ютится где-то у посторонних, что у него дома нет?

- Егоровна не посторонняя.

- Это Егоровна-то не посторонняя? А кто она нам? Ах да, мне она приходится матерью бывшего мужа моей жены. Ближайшее родство.

- Она тебе приходится матерью жены. Я свою мать не помню, мне ее Егоровна заменила.

- Ага, теща значит! Да пойми ты, пойми, что прошлого уже не воротить. Ведь умер твой Павел, умер. И давно уже пора

прекратить молиться и на него и на его мамочку. Забудь ты о них, забудь. А Егоровна, думаешь, нам счастья желает? Да ей, поверь, неважно смотреть как ты после ее сыночка с другим закрутила.

- Олег, если не хочешь поссориться, не трогай Егоровну.

- Ага, Егоровну, значит, не трожь. А Егоровна пусть обо мне что хочет говорит - это нас не волнует.

- Она о тебе ни одного дурного слова не сказала.

- Ну конечно, она благородная, я о ней говорю, а она обо мне ни-ни. Это выше ее достоинства.

- Эх ты, а она меня ругала даже за то, что я сына Павлом назвала.

- Не может быть! у удивился Олег, - это ж о сыне ее память.

- А она сказала, что это нехорошая память, злая.

- Ишь ты, благородная! - Олег явно смутился.

- Добрая она.

- Ну и что? Чего она с чужим-то мальчишкой возится?

Много их таких, всех не приютишь.

- Да говорю я тебе, не чужие мы ей.

- И я не чужой?

- Она надеялась, что ты ей сына заменишь.

- Это как же получается, ты ей дочь, я - сын, а вместе мы муж и жена? Что ж это, я на родной сестре женился?

- Не надо, Олег.

- В общем так, хороший Егоровна человек или плохой, меня не касается. Чужая она мне. А сына я желаю видеть немедленно.

- Ну и что ж, поезжай, привези его.

- Я? Ты хочешь, чтобы я сам поехал в дом твоего бывшего

мужа?

- А почему бы и нет?

- Ты думаешь о чем говоришь? Сына моего назвали его именем. На лето его Егоровна к себе заграбастала, только бы приручить, только бы от отца родного подальше. Портреты тут повешали, в тюрьму человека из-за него спровадили...

Не выдержала Наталка, грохнула тарелкой об пол:

- Да он в тысячу раз лучше тебя был. Он добрым был. О других всегда думал. А ты думаешь только о себе.

- Ах лучше? Ну и живи со своим портретом. - Схватил Олег пиджак, выбежал из квартиры, а дверь хлопнул так, что жалобно зазвенела в серванте посуда.

Наталка бросилась на диван, зарылась лицом в подушку и разрыдалась. Было жалко и себя и Олега и маленького Павлушку. А ведь ей так хотелось увидеть встречу отца с сыном. Представляла себе это так: Павлушка крепко прижимается к ней, обхватив за ногу, чуть испуганно, но с любопытством смотрит на незнакомого мужчину. А Олег, расстроганный и тоже смущенный, не отрывает от сына взгляда. - Ну подойди же, - слегка подталкивает сына Наталка, - это же твой папка. - Еще несколько секунд напряженного ожидания и Павлушка несется к отцу. Тот заключает его в свои объятия и вот они уже все трое обнялись и слезы счастливого, радостного умиления блестят у них на глазах.

А теперь увидит ли она встречу отца с сыном? Вернется ли Олег вообще? И зачем он так? Что ему Егоровна сделала? Наталка попыталась представить себя на месте Олега. Ему ведь тоже не сладко. А права ли она, Наталка? И не в том, наверное, дело, что на самом видном месте висит портрет ее быв-

шего мужа, а в том, видимо, что нельзя постоянно навязывать свое прошлое другому человеку. Как-то по-новому вспомнилась история с именем сына, ведь вот до чего дошла! А уж говорить, что Павел был в тысячу раз лучше и совсем не стоило. Был он просто другим. Совсем другим.

Мужа этой ночью Наталка так и не дождалась.

17

Поезд прибыл рано утром. На станции Олег пересел на автобус. В Ольховку прибыл через час.

Олег давно уже не был в настоящей деревне. Свежий воздух, пыльная проселочная дорога, неурочный крик петуха - все это вместе создавало какое-то особое настроение. Радовала предстоящая вот-вот встреча с сыном. Угнетала лишь мысль о Егоровне. Что бы не говорила Наталка, а не помнить о том, как издевался он, Олег, над памятником ее сына, Егоровна не могла.

Олег знал, что нужно идти прямо, не сворачивая, до реки.

Шел мимо добротных, недавно постренных домов и мимо поросших мхом, покосившихся хатенок. Вспоминал: "Лес по правую руку, река прямо, нигде не сворачивай."

Пошел дождь. Первые капли только взметнули пыль, но вот они вытянулись уже в редкие струйки. Казалось, чья-то рука медленно открывает кран гигантского душа. Шел уже настоящий ливень. Одежда намокла и отяжелела. Олег ускорил шаги. Земля быстро покрылась тонким слоем воды, не успевающим даже растекаться или уходить в почву.

Но вот показался дом. Синий забор, большая липа во дворе,

все сходится. Надеялся увидеть сына, играющим во дворе, но сейчас не то что люди, комары попрятались по своим дырам.

Злило что не просто на свое кровное, на сына родного придет он взглянуть в хату Егоровны, а как бы еще и прося защиты от дождя. И, несмотря на ливень, застыл во дворе, не в силах войти в дом. Стоял, пока не распахнулась дверь хаты и не выбежала оттуда Егоровна. Выбежала и, шлепая по лужам, бросилась на шею Олегу.

- Ой, лишеньки, что же ты под дождем мокнешь! Радость-то какая, Олешка погостить приехал!

И потянула его, причитая, в дом.

А в доме, на лавке, сидел застенчиво улыбающийся мальчик. Очень на него, Олега, похожий.

- А вот и папка твой приехал, - сказала Егоровна.

- Папа, а я птичкино гнездышко нашел.

- Правда? - растерялся Олег.

- Правда. И еще я рыбкин домик в речке видел.

Хотелось обнять сына, прижать к себе его маленькое хрупкое тельце, но шел мужской разговор и не мог же Олег прервать его.

- А рыбки разве в домиках живут?

- А где ж они от дождика прячутся?

- Да что ж это ты в мокром-то? А ну скидавай одежду, - хлопотала Егоровна.

- Да я того, на минутку...

- Чего?! Чего говоришь-то такое? - суетилась Егоровна, извлекая из шкафа одежду, - быстро переодевайся, я отвернусь покуда.

Олег облачался в костюм Павла и разговаривал с сыном.

И не знал Олег чего в нем сейчас больше, то ли радости от общения с ребенком, то ли раздражения оттого, что он в доме Павла, в его костюме, и что даже сын его назван в честь этого человека.

А Егоровна все хлопотала и хлопотала. На столе дымилась уже картошка в котелке, аппетитными брусками привлекали внимание куски сала, капельками воды поблескивали пупырчатые бока только что вымытых огурцов, теплом на всю избу дышал покрытый коричневато-золотистой корочкой пирог. В центре стола возвышалась извлеченная из холодильника матово-запотевшая бутылка водки.

Только сейчас почувствовал Олег как он замерз и проголодался. Неловко присел за стол. Егоровна наполнила рюмки:

- С приездом.

Выпили. Олег набросился на еду. Егоровна одобрительно кивала головой и все подкладывала ему на тарелку. - А пирог-то, пирог с грибами, а лучку, а картошечки свеженькой.

Вторая стопка совсем уже согрела Олега. Больше он пить не стал. Не с кем. Егоровна и первую-то рюмку едва пригубила.

Олег ел и глаз не спускал с Павлушки. Тот тоже внимательно наблюдал за отцом.

- А ты еще можешь?

- Чего могу?

- Еще столько же много-примного съесть. Как слон по телевизору.

- А ну-ка иди сюда.

Павлушка подбежал, Олег усадил его к себе на колени.

- Ты мой навсегдашний папа? - спросил сын и почему-то

потрогал отца за щеку.

- Конечно навсегдашний.

- 'А ты еще ешь, мне нравится.

Олег почувствовал, что и правда, еще не наелся. Да и заботливые руки Егоровны снова наполнили тарелку.

Дождь за окном стих. Тучи освободили солнце, оно проникло в дом и наполнило его своим светом.

- Ты надолго к нам? - спросила Егоровна.

- Сегодня вечером хотел уехать.

- Да что ж это ты в такую даль на полдня-то приехал? Никуда мы тебя сегодня не отпустим.

- Не уезжай, папа, - сказал Павлуша и крепко прижался к отцу.

- Хорошо-хорошо, я могу еще и завтра побыть.

"Господи, взять бы его домой, и чтобы дверь открыла улыбающаяся Наталка и чтобы не было ни портрета этого, ни напоминаний о нем. А как бы здорово они зажили! Но стоит между ними чужая тень и тянется она через тысячу километров вот из этого самого дома.

- Пойдем, папа, я покажу тебе красивые камушки, - Павлушка потянул отца за руку.

- Погодь-погодь, сапожки резиновые ^{наденет} одень, - Егоровна привычным движением сняла с ребенка тапочки и натянула сапожки.

"Ишь ты, намастрячилась, как со своим, " - обозлился почему-то Олег.

Вышли на улицу. Отец держал сына за мягкую теплую ладошку и думал, как здорово было бы, накричи за что-нибудь на него, Олега, Егоровна, а еще лучше, ударь его. Вот тогда бы он все ей высказал. Все, что думает. И стало бы ему, наверное,

намного легче.

18

Погода наутро выдалась отменной. Егоровна прогнала их на речку, а сама принялась стряпать обед. Как-то по хорошему светило солнце. Оно не обжигало сейчас, а ласково пригревало. От земли подымался легкий парок. На соседнем берегу мальчишки поили лошадей. Медленно плыла по течению лодка. Пожилой рыбак, свесив с пирса ноги, разматывал удочку. И казалось, вся свежесть, вся прелесть сегодняшнего утра сосредоточены в этой малоподвижной массе воды. Олег скинул брюки:

- Подожди меня, сынок, я только окунусь разочек.

Проплыл Олег немного, оглянулся и увидел, что Павлушка, прямо в сандалиях, топает вслед за ним по воде.

- А ну вылезай, - подхватил отец сына и выбрался с ним на берег.

- И я хочу, и я хочу в речку, - задрывал ногами Павлуша.

- Хорошо, верхом на мне поплывешь. Раздевайся.

Плыть в спокойной, тепловатой речной воде было удивительно приятно. Плыл Олег осторожно, по-собачьи, оберегая Павлушку. Быстро устал, маленькие ручонки сына мешали ему дышать. Развернулся к берегу. И вдруг почувствовал, что Павлушка соскользнул в воду. Обернулся и увидел как маленький человечек, отчаянно размахивая руками, уходит под воду. "Хотел крикнуть и захлебнулся," - понял Олег и ринулся к сыну. Нырнул без всякой подготовки. Нырнул, а вода не приняла его, забила в рот, выбросила обратно. Опрокинулся на спину, отчаянно откашливаясь и жадно хватая ртом воздух. Глубоко вздохнул и снова нырнул. Нашупал хрупкое тельце сына и выбрался на поверх-

ность. Не помнил как добрался до берега. Разложил ребенка на песке, так, что ноги его еще свешивались в воду и начал делать искусственное дыхание. А к ним бежали уже люди. И впереди всех Егоровна. Олега кто-то сменил. Изо рта ребенка хлынула вода, открылись глаза.

И вдруг Егоровна наотмашь ударила Олега по спине. - Ах ты ирод! - и снова удар ладонью.

Олег схватил Егоровну за руки и непрерывно твердил:

- Да я же не нарочно, мама, все же обошлось. Да я же не нарочно, мама...

Только когда двинулись к дому, сообразил, что назвал Егоровну мамой.

"Чего это я, - удивился Олег, - в жизни ни к кому так не обращался, а тут, кого-кого, Егоровну матерью назвал."

Вспомнил как вчера еще мечтал, накричала бы на него Егоровна, а то и ударила бы. Вот и накричала, вот и ударила, а он ее еще и мамой назвал. И в душе ни малейшей злобы.

Егоровна несла на руках Павлушку и говорила ему на ухо, видимо, что-то очень ласковое. А ребенок доверчиво к ней прижимался и внимательно слушал.

19

Говорила как-то Олегу Наталка, что обижают Егоровну в деревне. Председатель обижает. Что, мол, человек-то он хороший, да уж больно мягкий. Кто горлом берет, тому и уступает. А у Егоровны и забор рушится и крыша прохудилась, а не дает ей председатель ни леса, ни шифера. А на горло Егоровна только других барть может, за себя не пойдет. Тогда только усмехнулся Олег, пробормотал что-то вроде, - Прямо

уж, она сама кого хочешь обидит. - А тут увидел, и впрямь, дом ремонта требует.

- Вот с деньгами соберусь, тогда и отремонтируем, - сказала Егоровна.

- Да уж, только с вашими заработками!

Пошел Олег к председателю. Тот, погруженный в свои заботы, не сразу понял чего от него хотят.

- Чего, жаловалась она, что ли? Вы откуда, из области?

- Да ниоткуда. Сын я ее.

- Да ты подожди. Какой сын? Павел-то помер давно.

- Я другой ее сын, приемный. Из города. Да не об этом речь. Ты посмотри, председатель, как живет человек. Дом-то на честном слове держится. Ремонта требует. Не поднять ей одной. Помочь надо.

- Лесу в колхозе мало. А мы как раз новый коровник строить затеяли.

- Так что ж вы старухе делать прикажете? О коровах заботитесь. А о людях?

- А ты фразами на меня не дави. Коровы, они ведь тоже для людей. Двое их таких у нас, одиноких старушек. Выделили мы в прошлом году твоей Егоровне и материалы и рабочих. Так она ж такого шороха в конторе навела! Мол, почему Никитичну обидели. Вот и пришлось все к Никитичне перебросить.

- А обеим нельзя было помочь?

- Мы тебе, мил человек, не ремонтная контора, а колхоз. И задача наша не дома пенсионеркам чинить, а давать стране мясо, молоко и хлебушек. Грамотный, наверное? О продовольственной программе читал? Вот мы и призваны ее выполнять.

- Так выполнять-то люди будут, а вы о них не заботитесь.
- Егоровна выполнять не будет. Она свое уже отработала.
- Вот как вы рассуждаете. Значит, не работник, так с глаз долой? А она ведь всю жизнь в этом колхозе отработала.
- Ты топор в руках держать умеешь?
- Приходилось.
- Ну вот что, из материалов я вам с Егоровной кое-что выделю. А свободных рабочих рук у меня нет. Сам понимаешь, лето. До свидания. А вечером я к вам сегодня загляну, посмотрю, правда ли, что ты ее родственник?

20

Если бы спросили у Егоровны, любит ли она свою деревню. она бы, пожалуй, не нашлась что ответить. Так же как не знала бы, что ответить на вопрос, любит ли она воздух, которым дышит? Не могла Егоровна без деревни, вот и все.

После смерти Павла совсем плохо было Егоровне. Со временем горе ее притупилось, но не ушло, осталось с Егоровной навеки. Только одно служило ей утешением, дочка, Наталка. А вот и новая радость. Внучок у Егоровны появился, Павлушка. Вот только с Олегом у Егоровны отношения никак не налаживались. А вот сейчас в деревню он к ней приехал, с сыном своим повидеться. И не узнать человека. Первый день дичился ее, волком смотрел. А тут вдруг как подменили его. Ласковей он с ней, Егоровной, стал и разговорчивей. К председателю пошел. Шифер у него вытребовал, доски. Крышу сам перебрал, с забором целый день провозился.

Только вот рассказал, что с Наталкой у них неладно.

совсем нехорошо. Расстроилась Егоровна. Выяснилось даже, что Наталка и не знает где сейчас Олег. Что ушел он из дома. И по приезде, прямо с вокзала, отправится в общежитие.

На поезд Олега провожали Егоровна и Павлушка. Ребенка отец всю дорогу нес на руках. И чувствовалось, что очень хорошо им вместе, отцу и сыну. "И чего им не жить-то, - вздыхала про себя Егоровна, - молодые, здоровые, ребенка без памяти лѐбят."

Поезд, громыхая, затормозил. Олег последний раз крепко прижал к себе Павлушку, расцеловал и поставил на перрон. А ребенок вцепился в отца и ни за что не хотел его отпускать. И Егоровну обнял Олег и расцеловал. Крепко обнял. И сказал:

- За все спасибо, и за Павлушку и за...

Но дальше Егоровна не расслышала, слова его потонули в грохоте колес.

Отсюда же, с вокзала, отправила Егоровна телеграмму:

"Едет, - мол, - Олег домой, таким-то и таким-то поездом. С Павлушкой они не разлей вода. И вообще, хороший он у тебя. Встреть его обязательно и все уладь."

Поезд, пыхтя и замедляя ход, сравнялся с перроном.

Надо было думать о том, как устраивать свою жизнь дальше. Прямо с вокзала придётся идти в общежитие. С койками там сейчас туговато, но Олег надеялся, что ему не рткажут.

Вышел на перрон. Вышел и... увидел Наталку. Из тюрьмы возвращался, не встретила она его, а тут... Подошла, обняла мужа, прижалась к нему. И Олег тоже обнял Наталку. Крепко

обнял.

22

В конце августа Егоровна привезла в город Павлушу и осталась погостить в городе сама.

Ребенка устроили в ясли. По утрам его водили туда Егоровна. Забирал Павлушку Олег. Приводил сына домой и уже весь вечер с ним не расставался.

Егоровна заявила, что поживет в городе месяцок-другой, поможет молодым. Наталка обрадовалась. Не в помощи дело. С хозяйством Наталка и сама справлялась, а сыном занимался Олег. Просто не хотелось Наталке с Егоровной расставаться.

А Егоровна чего-то вдруг затосковала, потянуло ее опять в деревню. И скучная она какая-то стала. Наталка ее иногда спрашивала:

- Не заболели ли вы, часом, мама?

А Егоровна всегда одно отвечала:

- Ну что ты, дочка, не до болезней мне, чай внук подрастает.

Однажды, вернувшись с работы, Наталка застала Егоровну в постели. Никогда Наталка не видела, чтобы Егоровна в такое время отдыхала. Не было такого до сих пор. Ни разу не было.

- Заболели, мама? - встревожилась Наталка.

- Да нет, дочка, просто намаялась за день, устала маленько.

Пришли Олег с Павлушей. Олег тоже обеспокоился. Хотел вызвать врача. Егоровна не разрешила.

А наавтра была годовщина смерти Паула. Хотела Егоровна поехать на кладбище, да не смогла встать. И потекли по ее щекам слезы.

- Вот, - сказала она, - и пришел день, когда я уже и на могилу сына не могу поехать. Видно насовсем уже мне к нему пора перебираться.

Вызвали врача. Он осмотрел Егоровну. Покачал головой.

Перешли в соседнюю комнату.

- Плохи дела, - сказал врач, - может уже и не поднимется.

- Как же так, - всплеснула руками Наталка, - ведь никогда ничем не болела.

- Не болела? Да у нее и сердце и легкие никуда не годятся. Кто вы ей будете-то?

- Дочка.

- Плохая вы дочка, если о родной матери ничего не знаете.

- Так ведь она деревенская, а мы в городе живем. Одной-то ей нельзя наверное теперь?

Врач только безнадежно махнул рукой:

- Боюсь, что эта проблема разрешится скоро и без вашего вмешательства. В больницу бы ее.

- Не надо в больницу, - испугалась Наталка, - мы здесь за ней как за ребенком ухаживать будем.

И Олег подтвердил:

- Не надо в больницу, среди своих-то ей легче будет.

Глядишь и поправится.

К вечеру Егоровна тихо угасла. Не сразу это и заметили.

Подошла к Егоровне Наталка, спросила:

- Ну как ты себя, мама, чувствуете?

Не услышала Наталка ответа, склонилась к Егоровне и пахнуло на нее холодом.

Подошел и Олег. Сразу все понял. И подумал вдруг, что никогда еще не видел Егоровну спящей. Вечно она раньше всех

вставала и позже всех ложилась.

Потянулся к бабушке и Павлушка. Его не пустили. Ребенок обиделся.

- Бабушка спит, - объяснила Наталка, - не надо ее беспокоить.

- А почему же ты плачешь? - спросил Павлуша. - Ведь когда спят, это совсем не больно.

И тоже почувствовал тревогу. Взялся руками за мамин подол. Застыл.

23

Похоронили Егоровну рядом с сыном ее Павлом. Хоронили лишь Наталка с Олегом. Да двое равнодушных рабочих ждали с лопатами в руках. И еще какой-то любопытный стоял в сторонке за оградой и поглядывал в их сторону.

191065, Ленинград, ул. Гоголя, д. 4/1, кв. 13

Бутман Илья Давидович

314-91-03

ИЛЪЯ БУТМАН

Кокотная
повесть